

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

Social life of early man (ed. by S. L. Washburn). «Viking fund publications in anthropology, № 31: New York, 1961, 299 стр.

Рецензируемая книга представляет собою сборник из 17 докладов, сделанных в июне 1959 г. на совещании в Вартенштайне (Австрия), проведенном по инициативе Веннер-Греновского фонда для проведения антропологических исследований и посвященном проблемам социальной жизни первобытного человека. В совещании приняли участие крупнейшие специалисты в области антропогенеза и первобытной археологии. Краткий комментарий к докладом принадлежит перу И. Гальдстона.

Содержание сборника сводится к показу того, что может дать антропология для восстановления древнейших этапов развития общественных форм жизни и социальной организации. В нескольких докладах рассматривается организация стада у обезьян и значение этих данных для реконструкции форм общественных взаимоотношений у древних гоминид. Данные эти имеют огромное значение, но пользоваться ими нужно с величайшей осторожностью, постоянно помня о том, что взаимоотношения в обезьяньем стаде основаны на рефлекторных актах, тогда как общественные отношения у человека определяются формами трудовой деятельности. Даже если не признавать этот важнейший тезис марксистской науки о первобытном обществе, нельзя не учитывать большой роли трудовых процессов в жизни первобытных человеческих коллективов и тех качественно новых явлений, которые вносят в общественную жизнь человека мышление и речь. Забегая вперед, следует сказать, что авторы докладов о стадных взаимоотношениях у обезьян не всегда критически переносят свои данные на человеческое общество.

Этой тематике посвящены доклады: «Особенности стадной группировки у приматов» (Ф. Бурльер), «Поведение и образ жизни ископаемых приматов» (Ж. Пивето), «Сущность и особенности инстинктивных стадных связей у приматов» (М. Чанс), «Развитие территориального поведения» (Х. Хедигер), «О некоторых факторах, влияющих на стадную жизнь приматов и, в особенности, первобытного человека» (А. Шульц), «Стадное поведение павианов и первобытный человек» (С. Уошберн и И. Де Воре)¹.

В докладе Ф. Бурльера суммированы данные о составе стада у разных видов приматов, который, как справедливо отмечает автор, зависит от биологии и экологии вида и не связан непосредственно с систематическим положением разных форм. Это же можно сказать и о численности стада у представителей различных видов.

Ж. Пивето использует костный материал и, в частности, строение костей конечностей для восстановления экологии ископаемых приматов, уделяя наибольшее внимание антропоморфным. Группу миоценовых приматов Кении он рассматривает в качестве исходной для выработки человеческого типа. Он сочувственно излагает точку зрения французской исследовательницы Д. Ферембах, согласно которой лимнопитек принадлежал к группе лазающих приматов. Из локомоции лазающих приматов могли развиться, по его мнению, как прямохождение, так и брахиация. Как известно, аналогичная точка зрения получила широкую поддержку и в советской антропологической литературе. Нельзя не пожалеть, что австралопитековые обезьяны Южной Африки остались за пределами внимания Ж. Пивето.

М. Чанс полагает, что инстинктивное объединение обезьян в стадо выработалось в процессе естественного отбора как средство самозащиты. Обезьянье стадо почти

¹ Следует иметь в виду, что вместо термина «стадный» авторы везде употребляют термин «social».

всегда обнаруживает преобладание женских и молодых особей. Особые формы стадных взаимоотношений существуют у некоторых видов макаков, у которых молодые и старые самцы, изгоняясь из стада, исключаются из процесса размножения и образуют самостоятельные группы, состоящие только из мужских особей. Автор высказывает интересную и заслуживающую дальнейшей разработки мысль о том, что прогрессивное увеличение объема мозга у предков человека есть результат резко выраженных явлений «доминирования» в обезьяньем стаде.

В докладе А. Шульца суммированы данные о продолжительности жизни, динамике популяций, пищевом режиме и болезнях непосредственных предков человека. Большое внимание уделено преобразованию в процессе перехода от обезьян к человеку некоторых анатомических структур, имеющих отношение к половому циклу и употреблению орудий, — таза, кисти и т. д. А. Шульц, умело группируя материал как по ископаемым, так и по современным приматам, а при анализе анатомических вопросов используя данные и по современному человеку, показывает роль всех этих факторов в ранней истории семейства гоминид. Подводя итог предшествующим исследованиям, он убедительно доказывает увеличение продолжительности всех периодов жизни особей в процессе антропогенеза. Доклад А. Шульца содержит тщательную сводку критически проверенных фактов по затронутым вопросам, многие из которых добыты самим автором и впервые введены здесь в научный оборот.

С. Уошберн и И. Де Боре сообщают о результатах изучения стадной жизни павианов и пытаются наметить ее отличия от социальной организации человека. Позиция их противоречива. С одной стороны, они подчеркивают особое положение человека в животном мире и противопоставляют его последнему, с другой — налицо факт сравнения стадных взаимоотношений павианов и социальной организации первобытных человеческих коллективов. Тем не менее сообщаемые ими сведения о жизни павианьего стада заслуживают внимания.

Особое место занимает доклад Х. Хедигера. В отличие от других докладчиков, ограничивавшихся в основном интерпретацией фактического материала, Х. Хедигер пытается подойти к исследуемой им проблеме и с философских позиций. С большинством его трактовок нельзя согласиться, ибо как раз для него в высокой степени характерно стремление переносить действие биологических закономерностей на развитие первоначальных форм социальной организации. Так, он проводит аналогию между институтом собственности у человека и «эксплуатацией» определенной территории стадом обезьян. Но ведь формы последней ничем не отличаются от аналогичного явления в экологии других млекопитающих. Что же касается собственности в человеческом обществе, разве она не возникает на определенном этапе общественного развития при достаточной высокой производительности труда, разве она не связана с формами родовой организации? Противоположная тенденция — распространять специфически человеческие особенности за пределы человеческого общества — выявляется у Х. Хедигера при рассмотрении коммуникативных средств в обезьяньем стаде. Правда, он не употребляет слов «язык» и «слово» без кавычек, когда речь идет об обезьяньем стаде, но недвусмысленно пишет о связи отдельных криков и мимических движений с понятиями — гипотеза, в высшей степени спорная.

Следующая группа докладов посвящена освещению различных аспектов общественной жизни и идеологии первобытного человека: «Заметки о мышлении первобытного человека» (Ф. Бергуньё), «Некоторые данные об идеологии первобытного человека» (А. Бланк), «Общественная жизнь человека эпохи раннего палеолита по работам советских ученых» (Г. Дебец), «Анатомические знания у первобытного человека» (У. Лафлин), «Об использовании первобытным человеком огня, изготовлении орудий и первобытной охоте» (К. Оукли), «Общественная жизнь палеолитических охотников Испании на основании изучения пещерного искусства» (Л. Перикот), «Общественная жизнь первобытного человека. Результаты изучения скелета древних гоминид» (А. Валлуа).

В докладе Ф. Бергуньё, профессора католического института в Тулузе, обращает на себя внимание попытка доказать очень раннее возникновение различных культов, в частности культа черепов в Чжоу-Коу-Тяне. При этом докладчик игнорирует точки зрения, по-иному интерпретирующие соответствующие факты. Такая тенденция соответствует стремлению Ф. Бергуньё показать, что линия, ведущая к человеку современного вида, отделилась от ствола приматов чуть ли не в эоцене. Доказательством, по его мнению, являются остатки ореопитека, имеющего целый ряд гоминидных признаков, несмотря на ранний геологический возраст. Но Ф. Бергуньё не упоминает о работах А. Шульца, с полной определенностью выявившего в скелете ореопитека большое количество особенностей, сближающих его с антропоидами.

Известная модернизация идеологических представлений первобытного человека отличает и доклад А. Бланка. Богатое искусство верхнепалеолитического периода, во многих случаях имеющее культовый характер, служит для него доказательством наличия почти столь же развитой идеологии в более раннее время. Но для этого нужно забыть о кардинальной качественной разнице между древними гоминидами и человеком современного вида. Фактические доказательства существования различных культов и развитых религиозных представлений у человека раннего палеолита также не

бесспорны. Представление о культе черепов у синантропов и неандертальцев базируется в основном на одном анатомическом факте — отсутствии костей основания черепа почти у всех ископаемых находок нижнепалеолитического времени. Но эти кости очень хрупки и в большинстве случаев разрушены даже у черепов, пролежавших в земле, несколько сотен лет. Существование погребений у неандертальцев, по-видимому, не вызывает сомнений. Но трактовка этого обстоятельства в качестве доказательства наличия у них религиозных представлений, связанных с погребальным обрядом (к чему, кстати сказать, склоняется и рецензент, основываясь на ориентировке скелетов по линии восток — запад), до сих пор вызывает, как известно, резкие критические возражения.

В докладе Г. Ф. Дебеца суммированы результаты хорошо известных исследований советских археологов, этнографов и антропологов, в частности самого автора, по проблемам развития и формам социальной организации у древних гоминид. Только в этом докладе достаточно обстоятельно освещена роль труда в процессе очеловечения.

У. Лафлин рассматривает анатомические знания у алеутов, эскимосов и некоторых других народов, до недавнего времени стоявших на низкой ступени общественного развития. Сопоставляя их с археологическими данными и образом жизни древних гоминид, он приходит к выводу, что представления о строении тела животных и самого человека зародились у древнейших людей в очень раннюю эпоху. Большого внимания заслуживает интересная мысль о том, что осознание человеком родства с животным миром синхронно с древнейшими формами охоты, иными словами, относится к нижнему палеолиту. Это может быть подтверждено и этнографическими данными о древнейших формах тотемизма. Хотя бесспорные доказательства его существования относятся к верхнепалеолитической эпохе, не исключено, что его зарождение может быть датировано более ранним временем.

В докладе К. Оукли суммированы данные об использовании огня и первых следах обработки орудий. Говоря об австралопитеках, докладчик отмечает, что бесспорных данных об использовании ими огня и изготовлении орудий нет, хотя они, по-видимому, широко употребляли кости, камни и палки в качестве орудий. Изготовление орудий, по автору, представляет собою одно из важнейших условий выделения человека из животного мира.

Л. Перикот использует богатейшие образцы пещерной живописи в восточной Испании для восстановления многих сторон жизни верхнепалеолитических людей — охотничьих навыков и магических обрядов, особенностей жилищ и одежды, разных фигур танцев и т. д. Такой анализ всегда включает элемент умозрительных заключений. Есть они и в статье Л. Перикота. Тем не менее она имеет большое методическое значение и показывает важность и пути истолкования первобытной живописи как исторического источника.

А. Валлуа подвел итог своим многолетним исследованиям о продолжительности жизни, составе орды и каннибализме древних гоминид. Особенности сохранности ископаемых черепов и более частые находки черепов по сравнению с костями свидетельствуют, по его мнению, о каннибализме, но никак не о культе черепов. С этим нельзя не согласиться. Подробное рассмотрение слепков мозга, особенностей строения челюстей и других анатомических деталей приводит его к выводу о чрезвычайно ограниченном значении анатомических данных для суждения о древнейших этапах развития речи.

Статья А. Халлоуэлла «Протокультурные основы человеческой адаптации» представляет собой сокращенное изложение более полной работы, опубликованной годом раньше². Автор в соответствии с концепцией, господствующей в американской литературе, рассматривает человеческую деятельность как цельную структуру, которая может изучаться сама по себе, как, например, мозг или социальная организация. По существу, с точки зрения рецензента, такое направление исследования малоперспективно, так как оно искусственно объединяет в общем малосвязанные между собой стороны человеческой деятельности. Что же касается терминологии автора, то она не отражает специфики человеческого общества по сравнению с обезьяньим стадом: так, лучше говорить не о «человеческом поведении», а о человеческой деятельности, не употреблять термин «экология» по отношению к человеку и т. д.

К. Зауэр в докладе «Тенденции оседлого и кочевого образа жизни в первобытном обществе» связывает их с разделением труда. Тенденция кочевания, по его мнению, находится в связи с охотничьим укладом жизни, в котором основную роль играет мужчина, представительницей тенденции оседлости выступает женщина — хранительница семейного очага.

В докладе Е. Каспари «Некоторые генетические аспекты эволюции человека» содержится краткий очерк популяционной генетики в применении к первобытным человеческим коллективам. Наконец, доклад Д. Хамбурга «Эволюционные изменения в

² A. I. Hallowell, *Self, society and culture in phylogenetic perspective*, «Evolution after Darwin», vol. II, Chicago, 1960, стр. 309—372.

физиологии человека» дает обзор исследованиям последних лет в области физиологии человека при функциональной нагрузке.

Рецензируемый сборник содержит большой и разнообразный материал, представляющий значительный интерес для биологов, антропологов, историков первобытного общества, этнографов и археологов. На основе этого материала рассмотрены кардинальные проблемы антропогенеза и истории первобытного общества, в ряде случаев получившие оригинальное истолкование. Но в некоторых докладах не проведено четкой грани между обезьяной и человеком, между биологическими и социальными закономерностями. Кроме того, за пределами внимания докладчиков остались такие важные вопросы, как развитие социальной организации, роль труда в процессе очеловечения, эволюция форм труда, имеющие непосредственное отношение к теме книги. Все это снижает ее ценность.

В. Алексеев

Rassen, «Rassentheorie» und imperialistische Politik, Herausgegeben von H. Görschler. Dietz Verlag; Berlin, 1961, 178 стр.

Рецензируемый сборник посвящен разоблачению расизма, продолжающего оставаться одной из главных идеологических опор империалистической и реваншистской политики правящих кругов Западной Германии, где за последнее время резко усилилось влияние идеологии нацизма и фашизма.

В сборник вошли следующие статьи: «Марксизм-ленинизм о расе и ее значении в жизни общества» (Г. Гершлер), «Расовая теория фашизма прежде и теперь» (Р. Бейер и Д. Клемм), «Расовая теория фашизма на службе колониальной политики германского империализма» (Х. Кюне).

Этим работам предпосланы переведенные на немецкий язык две ранее опубликованные работы советских авторов: В. В. Гинзбурга «Человеческие расы и реакционная сущность расистских теорий»¹ и Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина «Расизм и его социальные корни»².

Рассмотрим все статьи по порядку.

В работе В. В. Гинзбурга говорится о реальности существования человеческих рас, их основных признаках и классификации. Автор рассматривает вопрос о происхождении и развитии рас человека и их принципиальном отличии от подразделений животных, указывая, что у последних образование подвидов и других таксономических категорий идет по законам биологии, тогда как расообразование у человека во многом связано с его общественным развитием. Отдельные расовые признаки у животных всегда сохраняют свое приспособительное (адаптивное) значение к внешним условиям, поэтому изменение последних является основным фактором их видообразования. У человека же отдельные признаки, определяющие его расу, перестали носить приспособительный характер, так как человек приспосабливается к разным условиям существования не пассивно (изменением своего тела), а активно, развивая культуру, познавая законы природы и заставляя служить ее своим интересам. Поэтому расовые особенности человека уже не могут быть факторами видообразования. В работе В. В. Гинзбурга разобраны разные формы расизма в Германии, Англии и Соединенных Штатах Америки и показаны их классовая сущность, псевдонаучные корни и методологическая несостоятельность.

В статье Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина дается краткий исторический очерк расизма. Развитие науки накладывало свой отпечаток на формы расизма, который, пытаясь опереться на науку, всегда сознательно извращал ее. Таковы истоки антропосоциологии, социального дарвинизма, евгеники и других расистских течений. Далее авторы на многочисленных примерах показывают полную научную несостоятельность расистских теорий, в частности отсутствие непосредственной связи между расовой принадлежностью и культурным развитием.

Работа Г. Гершлера «Марксизм-ленинизм о расе и ее значении в жизни общества» показывает роль расовой «теории» в буржуазной социологии. Автор особо останавливается на расизме фашистов Западной Германии, одним из проявлений которого на рубеже 50-х — 60-х годов является антисемитизм, связываемый и с борьбой против большевиков, красных, «подчеловеков» и «азиатских орд». В разделе статьи «Вид и способ производства являются движущей силой общественного развития» автор на примере Казахской ССР показывает, что развитие культуры отнюдь не определяется расовой принадлежностью. Ссылаясь на классиков марксизма, автор подробно говорит о ведущей роли общественных отношений в развитии производительных сил, причем первой предпосылкой человеческой истории является само существование людей с их

¹ Вышла отдельной брошюрой в 1958 г. в Ленинграде.

² Глава из книги: «Основы антропологии», изд. МГУ, М., 1955.